

сомнения, останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии Романовых! Медико-криминальная экспертиза это, несомненно, подтвердит. Проблема с поиском останков семьи Николая Романова завершается. Домыслы о спасении семьи, тех или иных ее членов, «открытия» самозванцев, в том числе бесконечных «Анастасий» постепенно сойдут на нет. История гибели царской семьи встанет перед общественностью во весь, нормальный рост¹. Документальность исторически подлинных прежде и ныне останков полностью доказывается.

Игишева Е. А., Камынин В. Д.

Правоохранительные органы Урала на завершающем этапе Гражданской войны (историография проблемы)

История местных органов правопорядка далеко не всегда привлекала отечественных исследователей, хотя эти органы выполняли важнейшую политическую функцию — кроме борьбы с преступностью они вели борьбу с любым проявлением инакомыслия в стране. Дело объяснялось спецификой деятельностью данных органов, которая долгое время являлась секретной.

Современный исследователь истории советской цензуры А. В. Блюм указывает на то, что цензурные органы составляли специальные «Перечни сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в целях охранения политико-экономических интересов СССР». Первый из них вышел уже в 1925 г. Автор пишет: «Запрещено было публиковать материалы о «количестве политических преступлений», о «ропуске буржуазных партий и кулацких Советов и о репрессиях, предпринимаемым по отношению к ним», об «административных высылках социально опасного элемента, как массовых, так и единичных»².

¹ См.: Комсомольская правда. – 2007. – 25 авг.; Гинцель Л. Под Коптяковской дорогой следы // Вечерний Екатеринбург. – 2007. – 25 авг.; Пресс-релиз. Екатеринбург. Август.

² Блюм А. В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917 – 1929. – СПб., 1994. – С. 126.

Исследователь истории ВЧК А. М. Плеханов указывает на то, что «с середины 1920-х гг. постепенно сложилась негласная традиция почти ничего не писать о ВЧК-ОГПУ». Автор сослался на неопубликованное высказывание Ф. Э. Дзержинского, сделанное в марте 1925 г. по поводу воспоминаний ветеранов органов безопасности: «Все составленные таким образом материалы считаются совершенно секретными, пишутся от руки, на машинках не перепечатываются и в подлинниках (не оставляя у себя копий) направляются через Фельдегерский корпус лично в адрес зам. пред. ОГПУ Г. Г. Ягоды»¹.

В 1920-е гг. были опубликованы данные об одном из крупнейших уральских выступлений крестьян конца Гражданской войны — восстании «Черный орел — земледелец» (7 февраля — 18 марта 1920 г.) с центром в Мензелинском уезде Башкирии. За короткий срок оно охватило часть Уфимской, Казанской, Самарской и Вятской губерний. По опубликованным отчетам Уфимского Губчека, поводом для его начала стали необоснованные репрессии против находившихся на лечении красноармейцев, вымогательство, грабеж крестьянства².

В 1920-е гг. по интересующей нас теме писали исследователи, освещавшие деятельность правоохранительных органов Урала по подавлению крестьянского выступления в Зауралье на рубеже 1920 — 1921 гг.³ Наиболее полно описал карательную деятельность чекистских органов полномочный представитель ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский, который лично возглавлял борьбу с повстанцами на протяжении длительного времени.

В то же время современные историографы А. В. Иванов и А. Т. Тертышный отмечают, что большинство авторов 1920-х гг. «просто не успели осмыслить его, либо, находясь в эйфории от одержанной победы в борьбе с контрреволюцией, не обратили на него должного внимания»⁴.

¹ Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921 — 1928. — М., 2006. — С. 23.

² См.: Уфимский октябрьский сборник. — Уфа, 1920. — № 2. — С. 193.

³ См.: Павлуновский И. П. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 по январь 1922. // Земля Сибирь (Новониколаевск). — 1922. — № 3–4; Померанцев П. Красная армия Сибири на внутреннем фронте (Борьба с восставшими в тылу за 1920 — 1922 гг.) // Красная Армия Сибири (Новониколаевск), 1923. — № 3–4; Сидоров П. Курганское восстание в январе 1921 г. // Пролетарская революция. — 1926. — № 6.; и др.

⁴ Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917 — 1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. — Екатеринбург, 2002. С. 73.

В последующей советской историографии на уральском материале деятельность правоохранительных органов в годы Гражданской войны раскрывалась в работах Ю. Алексеева, Г. П. Дмитриева, В. В. Дубленных, В. В. Кривоногова, М. К. Маликова, В. М. Руцкина, М. Свиридова, А. С. Смыкалина и др.¹ Вышла коллективная работа по истории органов госбезопасности на Урале². Были опубликованы очерки об уральских чекистах³.

В силу специфики темы, которая в советское время относилась к разряду секретных, и ее исследование историками и правоведами не поощрялось, в этой литературе содержались лишь отрывочные сведения о деятельности советских правоохранительных органов на Урале преимущественно в первой половине 1920-е гг.

Тем не менее, именно в этот период удалось опубликовать некоторые документы об участии правоохранительных органов в подавлении крестьянских выступлений в начальный период нэпа на Урале⁴. Впервые были опубликованы воспоминания уральских чекистов⁵.

¹ См.: Кривоногов В. В. К вопросу о создании органов расследования на Урале (1917 – 1922 гг.) (по материалам Государственного архива Свердловской области) // Сб. аспирантских работ по вопросам государства и права. – Свердловск, 1963; Руцкин В. М. Рождение советской милиции в Прикамье. – Пермь, 1973; Он же. Из истории пермской милиции. – Пермь, 1973; Он же. Деятельность Пермской губернской партийной организации по укреплению и воспитанию кадров милиции в первые годы нэпа (1921 – 1923 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. – Пермь, 1973. – Вып. II; Он же. Деятельность милиции Прикамья по осуществлению мероприятий партии и правительства в борьбе с преступностью и по укреплению общественного порядка в первые годы нэпа (1921 – 1923 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. – Пермь, 1974; Он же. Деятельность Пермской губернской партийной организации по формированию и упрочению советской милиции в 1918 – 1923 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1974; Маликов М. К. История судов Удмуртии (1917 – 1922 гг.). – Ижевск, 1977; Свиридов М. Ровесница Октября (Из истории зарождения милиции в Зауралье. 1917 – 1921) // Сов. Зауралье. – 1977. – 11 нояб.; Страницы истории Оренбургской милиции. – Оренбург, 1977; Алексеев Ю. Бюро уголовного розыска: из истории милиции в Пермской губернии (1918 – 1924 гг.) // Звезда. – 1983. – 29 окт.; Дмитриев Г. П., Смыкалин А. С. Из истории становления и развития судебного управления на Урале // Правосудие. – 1984. – № 2; и др.

² См.: Васильев И. И., Корнилов Ю. И., Наумов Г. К. Из истории органов госбезопасности Урала. – М., 1982. – Ч. 1.

³ См.: Резник Я. Л. Чекист. Свердловск, 1968; Чекисты Башкирии: Очерки, статьи, воспоминания – Уфа, 1977; и др.

⁴ См.: Кулацкие восстания в Башкирии. – Уфа, 1933.

⁵ См.: Чекисты Башкирии: Очерки, статьи, воспоминания.; и др.

В. М. Рудкин на примере Пермской губернии охарактеризовал тот уровень организации советской милиции, который сложился на Урале к концу Гражданской войны. По его словам, «к концу 1920 г. организация Пермской губернской милиции представляла уже стройную систему». Возглавлял ее начальник управления, у которого было 6 помощников и 4 инспектора. Один из помощников являлся начальником политотдела. В структуре управления губернской милиции было 6 подотделов: уездно-городской, уголовно-розыскной, промышленной милиции, инспекторский, секретариат и подотдел снабжения¹.

Советские исследователи доказывали, что правоохранные органы Урала складывались в ожесточенной борьбе с классовыми врагами. С нашей точки зрения относительно полно им удалось показать вклад этих органов в разгром крестьянских восстаний, которые прокатились по Уралу в 1920 — 1921 гг. Советские историки квалифицировали крестьянские выступления исключительно как бандитские антисоветские мятежи, возглавляемые эсерами². Иногда в современной публицистике участников крестьянских выступлений периода «военного коммунизма», направленных против большевиков, называют «зелеными»³. Этот термин использовался и в советское время. Советские авторы под восстанием «зеленых» понимали выступления «бродячих шаек дезертиров, подбитых кулаками и белогвардейцами на выступление против Советской власти»⁴.

Советские историки внесли немалый вклад в изучение роли правоохранных органов в подавление крестьянского восстания в Зауралье⁵.

¹ Рудкин В. М. Рождение советской милиции в Прикамье. — С. 32.

² См.: Романенко В. В. Роль чекистов и воинов внутренних войск в ликвидации кулацких банд и белогвардейщины в Среднем Поволжье и Приуралье в 1920 — 1922 гг. // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1975. — Вып. 5. — С. 19.

³ См.: Шибанов Н. «Зеленая» война: Ист. очерки. — Челябинск, 1997; и др.

⁴ Лешкин Н. Они были первыми // Чекисты Башкирии. — С. 18.

⁵ См.: Богданов М. А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 г. — Тюмень, 1961; Толмачева Р. П. К вопросу об экономической политике советской власти в деревне в 1920 г. // Вопросы истории Урала. — Свердловск, 1964. — Вып. 5; Анистратенко В. П. Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу // Учен. зап. Урал. ун-та. — Свердловск, 1970. — № 103. — Сер. ист. Вып. 18; Он же. Мероприятия партийных организаций Урала по ликвидации кулацкого мя-

Известный исследователь истории антибольшевистского подполья Д. Л. Голинков писал: «Немалую роль в ликвидацию бандитизма сыграли чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. В феврале 1921 г., в разгар выступлений мелкобуржуазной стихии под руководством полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского ликвидировали организации «Союза трудового крестьянства», связанные с антисоветскими кулацкими выступлениями»¹. Н. Лешкин отмечал, что «Уфимская ЧК и Особый отдел Восточного фронта направили в этот район войска ВОХР во главе с А. Чеверевым»².

Советские авторы специально отмечали, что правоохранные органы дифференцированно относились к участникам антисоветских выступлений. По словам Д. Л. Голинкова, «арестованные Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией главари этого антисоветского движения (в том числе Юдин, Тагунов, Тяпкин, Густомесов), кулацкие заправилы и белогвардейцы были сурово наказаны»³. Н. Лешкин писал: «Члены коллегии единодушно высказались за суровое наказание бандитов, оставленных колчаковцами в тылу советских войск с целью поднять восстание против Советской власти... Главари «зеленых» были публично расстреляны»⁴.

В. П. Анистратенко причиной жестокости правоохранных органов против повстанцев считал организацию ими «белого террора». По его подсчетам, повстанцы в Ишимском уезде разгроми-

тежа 1921 г. // Из истории партийных организаций Урала: Учен. зап. Урал. ун-та. – Свердловск, 1971. – № 120. – Сер. ист. Вып. 23; Гуров В. П. Экономическое и политическое положение уральской деревни накануне перехода к нэпу // Наш край. – Свердловск, 1971; Он же. К вопросу о политических настроениях уральских крестьян накануне перехода к новой экономической политике // Из истории социалистического строительства на Урале. – Свердловск, 1976; Он же. Уральская деревня после разгрома колчаковщины // Партийное руководство революционной борьбой и хозяйственной деятельностью трудящихся Урала (1918 – 1920). – Свердловск, 1982; Тertyшный А. Т. Хозяйственная политика партии и советского государства в деревне в 1919 – 1920 гг. // Там же; и др.

¹ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М., 1980. – 3-е изд. – Кн. 2. С. 97.

² Лешкин Н. Они были первыми. – С. 19.

³ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – Кн. 2. – С. 99.

⁴ Лешкин Н. Они были первыми. – С. 20.

ли 90% партячек, убили более 500 коммунистов, такие же потери имелись в парторганизации Курганского уезда¹.

Вместе с тем Д. Л. Голиков писал, что «чрезвычайные комиссии и революционные трибуналы великодушно относились к крестьянству, обманом вовлеченному в антисоветское движение. Выездная сессия военного трибунала рассмотрела в Петропавловске много дел участников восстания. Лишь особо злостные приговаривались к наказаниям, малосознательные крестьяне освобождались от ответственности»². Н. Лешкин подчеркнул очень важное обстоятельство. Он отмечал, что «случайно вовлеченного в восстание крестьянина, допустившего по неосознанности вредные для Советской власти действия рабочего чекисты брали под защиту, проявляя ту мягкость и гибкость, которых так не хватало в некоторые более поздние годы»³.

Любопытные сведения по данному вопросу содержит периодическая печать того времени. По данным Тюменской губернской газеты «Трудовой набат», из привлеченных к судебной ответственности в Тюменском губернском трибунале по делу о мятежниках в Червищенской волости Тюменского уезда 35 крестьян в сентябре 1921 г., 5 человек были приговорены к расстрелу, но приговор им был заменен на заключение в рабочий дом сроком на 5 лет. Остальным подсудимым трибунал назначил условное наказание⁴.

Уфимские историки подробно проанализировали участие уральских чекистов в подавлении крупного крестьянского восстания на Южном Урале, получившего название восстание «Черного орла». По воспоминаниям активного участника подавления данного выступления А. Е. Шамигулова, особая опасность этого восстания состояла в связи восставших крестьян с валидовцами, которые в то время рассматривались в качестве врагов Советской власти. Он писал: «Валидов не преминул воспользоваться инцидентом, происшедшим в Тамьян-Катайском кантоне»⁵.

¹ См.: Анистратенко В. П. Мероприятия партийных организаций Урала по ликвидации кулацкого мятежа 1921 г. – С. 69.

² Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – Кн. 2. – С. 99.

³ Лешкин Н. Они были первыми. – С. 21.

⁴ См.: Трудовой набат (Тюмень). – 1921. – 30 сент.

⁵ Шамигулов А. Е. В Тамьян-Катайской ЧК (воспоминания) // Чекисты Башкирии. – С. 69.

Н. Лешкин и Г. Амири опасность этого выступления крестьян для судьбы Советской республики в целом подтверждали тем, что его подавлением лично руководил Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, в Уфимскую губернию были направлены его представители, занимавшие важные посты в партийных структурах и структурах ВЧК¹. Н. Лешкин писал, что в его разгроме участвовали отряды внутренних войск, части особого назначения и милиция. Руководили подавлением восстания уфимские чекисты, бывшие, по словам автора, «преданными коммунистами, людьми волевыми и решительными»². По словам В. Фридмана, «принятые меры не замедлили сказаться. Основные части повстанцев в пределах губернии были разбиты, а частью оттеснены в пределы Башреспублики на действовавшие там крупные войсковые соединения ВОХР Приуральского сектора»³.

В. М. Руцкин проанализировал преобразование органов советской милиции на Урале в период перехода от войны к миру. Он писал: «Изменение задач и повышение требований к организационному укреплению милиции привели к ее частичной реорганизации... В апреле 1921 г. было принято решение о переводе милиции с военного положения на мирное. В начале июля был упразднен штаб 17 милиционной бригады в Пермской губернии»⁴. Историки отмечали, что введение нэпа сопровождалось резким сокращением штатов всего государственного аппарата. Источники зафиксировали, что Постановлением СТО от 24 августа 1921 г. численность милиции в РСФСР была определена в 333 655 человек⁵. По подсчетам В. М. Руцкина, численность милиции Пермской губернии сократилась с 4 939 человек в сентябре 1921 г. до 3 073 — в октябре 1921 г. и 1 322 — в октябре 1922 г.⁶

Для советской литературы о деятельности правоохранительных органов были характерны некоторые общие черты. Вся эта лите-

¹ См.: Лешкин Н., Амири Г. В дни поздних буранов // Чекисты Башкирии. — С. 52, 59.

² Лешкин Н. Они были первыми. — С. 21.

³ Фридман В. Часовой республики // Чекисты Башкирии. — С. 46.

⁴ Руцкин В. М. Деятельность Пермской губернской партийной организации по формированию и упрочению советской милиции в 1918 — 1923 гг. — С. 21.

⁵ См.: Власть Советов. — 1922. — № 1–2. — С. 62.

⁶ См.: Руцкин В. М. Деятельность Пермской губернской партийной организации по формированию и упрочению советской милиции в 1918 — 1923 гг. — С. 21, 22.

ратура была написана через призму партийного руководства деятельностью этих органов. Основными источниками, которыми пользовались историки, были официальные документы КПСС и Советского правительства. Выходящие публикации документов по истории правоохранительных органов носили сугубо официальный характер, документы для публикации тщательно отбирались, чтобы не раскрыть государственные секреты или не нанести вред имиджу советской стране. Таким же образом отбирались воспоминания по истории правоохранительных органов.

Еще одной причиной, которая не прибавляла объективности трудам советских историков правоохранительных органов, было то, что отсутствие в литературе достоверной информации компенсировалось разного рода идеологическими моментами.

В советской историографии создавался и культивировался положительный образ чекистов, работников милиции и других правоохранительных органов. Д. Л. Голинков писал: «Органы государственной безопасности, все правоохранительные учреждения страны стояли на защите Советского государства»¹.

При характеристике функций органов госбезопасности их карательная деятельность лишь упоминались. Зато подробно писалось о тех сферах деятельности, которые для органов ГПУ являлись вспомогательными: охрана общественного порядка, борьба с детской беспризорностью и т. д. Руководители ЧК-ГПУ-ОГПУ Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский представлялись советским историкам символами благородства. Главной чертой в их деятельности советские историки считали неукоснительное следование принципам социалистической законности. Т. К. Гладков и М. А. Смирнов писали: «Менжинский настойчиво боролся за утверждение во всей деятельности ОГПУ ленинского принципа социалистической законности»².

Советские историки давали только положительную оценку деятельности правоохранительных органов. Они исходили из того, что подобная оценка этих органов содержалась в работах В. И. Ленина³. Залог успеха этих органов П. Г. Софинов видел «в мудром руководстве Коммунистической партии и ее ленинского Цент-

¹ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – Кн. 2. – С. 278.

² Гладков Т. К., Смирнов М. А. Менжинский. – М., 1969. – С. 328–329.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 327, 328; Т. 50. – С. 338; и др.

рального Комитета, в повседневном партийном контроле за их деятельностью»¹.

В 1990-е — первые годы XXI в. в литературе стало высказываться более критическое отношение к советской правоохранительной системе. Ликвидация гегемонии единственной монометодологии привела к тому, что на историю правоохранительных органов высказываются различные мнения. Плюрализму мнений способствует более широкая источниковая база, в которой представлены и зарубежные документы, а также публикация в России произведений эмигрантских и зарубежных исследователей по истории советских спецслужб.

Работы зарубежных авторов внесли большой вклад в развенчивание того образа советских правоохранительных органов, который создавался в советской историографии. Эмигрантский историк Р. Б. Гуль дал свою характеристику руководителей ВЧК-ГПУ. О Дзержинском он писал: «По невероятности числа погибших от коммунистического террора «октябрьский Фукье-Тенвиль» превзошел и якобинцев и испанскую инквизицию, и терроры всех реакций. Связав с именем Феликса Дзержинского страшное лихолетье своей истории, Россия надолго облилась кровью»². Назначение Менжинского на пост руководителя ОГПУ он охарактеризовал следующими словами: «На посту начальника Особого отдела этот человек с вкрадчивой улыбкой оказался не только подходящим, но и незаменимым. Дилетант во всем, тут, в инквизиции, оказался как раз на своем месте: большая «тень» воплотилась в беспощадного и страшного человека»³.

В отличие от советской историографии, в которой изучаемые нами органы назывались «правоохранительными», сейчас эти органы многие исследователи называют «карательными»⁴. Часть ученых, стоящих на либеральных позициях, полагает, что карательные функции в советский период выполняли все органы, в том

¹ Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917 – 1922 гг.). – М., 1960. – С. 243–244.

² Гуль Р. Б. Дзержинский. – М., 1992. – С. 7.

³ Там же. – С. 110.

⁴ См.: Рассказов Л. П. Роль карательно - репрессивных органов в становлении административно - командной системы в первые годы советской власти. – Уфа, 1992; Он же. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917 – 1941). – Уфа, 1994; и др.

числе советские и партийные. По их мнению, переход от Гражданской войны к миру нисколько не поменял характера деятельности этих органов. А. Л. Литвин утверждает, что «карательная политика и карательные органы в 1921 г. не претерпели существенных изменений: они были по-прежнему нацелены на устранение даже потенциального инакомыслия. Продолжала свирепствовать практика беззакония и расправ, вытекающая из примата классовости революционного правосознания»¹.

По нашему мнению, такое определение деятельности этих органов является односторонним, ибо оно учитывает лишь одну из сторон этой деятельности. Во многих современных работах по-прежнему используется термин «правоохранительные» органы². Нам кажется этот термин более правильным. А. М. Плеханов справедливо пишет о том, что «как бы не называлось это ведомство, от ВЧК до КГБ, оно защищало безопасность государства, общества и граждан, т. е. было правоохранительной структурой, которая боролась с реальными противниками: шпионами, диверсантами, террористами, контрабандистами, бандитами и пр.»³

Введение в научный оборот новых источников привело к появлению источниковедческих работ по истории правоохранительных органов Урала. Интересное замечание по поводу расширения источниковой базы по истории ВЧК сделал К. Н. Габушин. Справедливо заметив, что до 1990-х гг. большинство документов, касающихся деятельности ЧК были засекречены, он пришел к выводу, что поскольку в настоящее время большинство исследователей интересуют прежде всего обличительно-очернительные материалы о деятельности большевиков, то «документы, противоречащие новым веяниям, не рассматривались»⁴.

¹ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918 – 1922. – М., 2004. – 2-е изд. – С. 389.

² См.: Пашкин А. А. К вопросу о роли и месте правоохранительных органов в тоталитарном государстве // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994; Семенов А. И., Кобзов В. С. Правоохранительные органы Урала в борьбе с «политическим бандитизмом» // История правоохранительных органов России. – Челябинск, 2000; Сафонов Д. А. Правоохранительные органы России в XX в.: традиции, преемственность, поиски новых форм // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность. – Оренбург, 2000; и др.

³ Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921 – 1928. – С. 35.

⁴ Габушин К. Н. Перлюстративная «социология» ЧК // Экономическая история XX в.: проблемы историографии. – Екатеринбург, 2008. – С. 22.

Анализ современной литературы показывает, что из всех правоохранительных органов Урала наиболее подробно изучена деятельность советской милиции¹. Изучается также деятельность других чрезвычайных органов Советской власти на Урале². При этом особо выделяется их деятельность на этапе перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике.

В. И. Шишкин указывает, что до недавнего времени вопрос об участии ВЧК, ревтрибуналов, милиции, военных, карательных и политических сил в подавлении крестьянских выступлений оставался «слабым местом» в анализе этих событий³. По нашему мнению, именно в современной историографии на этот вопрос обращается большое внимание. Многочисленными являются работы современных авторов о крестьянских выступлениях на Урале⁴ и в

¹ См.: Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабибулин А. Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. – Уфа, 1993; Салмина С. Ю. Становление милиции Челябинской губернии (1917 – 1923 гг.). – Челябинск, 1999; Она же. Кадровая политика в Челябинской милиции (начало 20-х гг.) // Полиция и милиция России: формирование и развитие (к 200-летию МВД). – Челябинск, 2000; Она же. Материальное положение милиции Челябинской губернии в первые годы нэпа // История правоохранительных органов России; Кобзов В. С., Семенов А. И. Становление органов милиции на Урале в 1917 – 1920 гг. // Там же; Салмина С. Ю. Становление системы профессиональной подготовки кадров милиции Челябинской губернии // Там же; Петров А. В., Кудрявцева А. В. Создание системы органов правопорядка на Южном Урале после гражданской войны // Актуальные проблемы совершенствования правоприменительной деятельности органов внутренних дел. – Челябинск, 2000; Демин В. А., Воробьев А. М. Милиция // Урал. ист. энциклопедия. – 2-е изд.; Семенов А. И., Сичинский Е. П., Щеткин С. В. Милиция (1917 – 2000) // Челябинск: Энциклопедия; Милиция Челябинской области. 1802 – 2002: Страницы истории. – Челябинск, 2002; и др.

² См.: Шабанова И. К. Правовой произвол начала 1920-х гг. в Тюменской губернии // История Советской России: новые идеи, суждения. – Тюмень, 1991. – Ч. 1. Мардамшин Р. Р. Башкирская чрезвычайная комиссия: страницы истории. – Уфа, 1999.

³ См.: Шишкин В. И. Введение // За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921 г. Сб. док. – Новосибирск, 2000. – С. 16.

⁴ См.: Метельский Н. Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919 – 1921). – Свердловск, 1991; Суслов А. Б. Антибольшевистские восстания 1920 – 1922 гг.: заключительный этап гражданской войны // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994; Бакунин А. В. Большевики и крестьянство в первые годы советской власти (1917 – 1922 гг.) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. – Тюмень, 1996; Телицын В. Л. К истории антибольшевистских выступлений на Урале в первые послереволюционные годы: участники и руководители (Предварительные замечания) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996; Он же. Сквозь

его отдельных регионах¹, в том числе о самом мощном из них в Зауралье².

тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917 – 1921 гг. – М., 1998; Он же. Урал 1917 – 1921 гг.: красный террор и общинная самозащита // Право, насилие и культура в России: региональный аспект (первая четверть XX в.). – М.-Уфа, 2001; и др.

¹ См.: Кульшарипов М. М. Восстание «Черного орла» в Башкирии // Актуальные проблемы социально-политической истории советского общества. – Уфа, 1991; Магомедов Р. Р. Экономическая и политическая обстановка на Южном Урале накануне перехода к нэпу // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны; Гарипов М. С. Политика большевиков в Башкирии и Бурзян-Тангауровское восстание 1920 г. // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. – Уфа, 1997; Абрамовский А. П., Панькин С. Н. «Голубая армия»: создание, борьба, разгром // Крушение царизма и гражданская война на Урале. – Челябинск, 1998; Скориков А. И. Из истории повстанческого и дезертирского движений на территории Челябинской губернии в конце 1919 – начале 1921 гг. // Там же; Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920 – 1922 гг. и Южный Урал. – Оренбург, 1999; и др.

² См.: Лагунов К. Я. Двадцать первый. – Свердловск, 1991; Он же. Кровавая жатва. – Тюмень, 1992; Он же. И сильно падает снег... – Тюмень, 1994; Третьяков Н. Г. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения. – 1993. – Новосибирск, 1993; Он же. К истории крестьянского восстания 1921 г. на Тобольском Севере // Словцовские чтения – 1996. – Тюмень, 1997; Он же. Еще раз о социальной природе Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Словцовские чтения – 97. – Тюмень, 1997; Белоногов М. Г. Приишимье накануне крестьянского восстания 1921 г. // Западносибирское краеведение. – Ишим, 1994; Суслов А. Б. Антибольшевистские восстания 1920 – 1921 гг. – заключительный этап гражданской войны // Тоталитаризм и личность; Белявская О. А. О морально-психологических качествах коммунистов, воевавших против повстанцев на Тюменском севере в феврале – марте 1921 г. // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. – Тюмень, 1996; Петрова В. П. Восстание 1921 г. в Тюменской губернии // Там же; Третьяков Н. Г. К вопросу о политической направленности Западно-Сибирского восстания 1921 г. (Отношение повстанцев к советам) // Там же; Большаков В. П. Пролог крестьянского восстания 1921 г. в Тюменской губернии // Там же; Он же. О восстании крестьян Тюменской (Тобольской) губернии 1921 г. // Судьба России: Духовные ценности и национальные интересы. – Екатеринбург, 1996; Московкин В. В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 г. // Вопр. истории. – 1998. – № 6; Он же. Крестьянское восстание 1921 г. в Западной Сибири // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. – В 3-х т. – Салехард, 2004. – Т. 2; Угроватов А. П. Красный бандитизм в Сибири (1921 – 1929 гг.). – Новосибирск, 1999; Белявская О. А., Ильдер М. А. Красный террор на Обском Севере (февраль – начало апреля 1921 г.) // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – В 3-х т. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 2; Московкин В. В., Ильдер М. А. Обдорское восстание в марте 1921 г. // Вторые Урал. военно-ист. чтения: Мат. регион. науч. конф. – Екатеринбург, 2000; Петрова В. П. Крестьянское восстание в Тюменской губернии в 1921 г. // Тюменский ист. сб. – Тюмень, 2000. – Вып. IV; Она же. Чему учит история сибирского восстания // Западно-Сибирское

В. С. Кобзов, Ф. Г. Куцан, В. И. Майоров, В. В. Московкин, В. П. Петрова, Е. П. Сичинский, Н. С. Шибанов и др. исследователи считают, что именно в этот период карательная функция советской милиции наиболее ярко проявилась в борьбе с крестьянскими выступлениями против политики «военного коммунизма». По подсчетам В. Л. Телицына, на протяжении всего «послеколчаковского периода» (с августа 1919 по февраль 1921 гг.) на Урале насчитывалось около 30 серьезных случаев вооруженного сопротивления представителям власти, частям Красной Армии, продотрядам и различным карательным органам (ВЧК, ЧОН и др.), повлекших за собой многочисленные жертвы¹. Д. А. Сафонов считает, что можно говорить о наличии в России тех лет очередной крестьянской войны. Он пишет: «Налицо массовость участия, значительность территории, охваченной движением, существование программы действий у восставших»².

В. С. Кобзов и В. И. Майоров пишут: «Наряду с уголовным бандитизмом, в 1919 — 1921 гг. на милицию была возложена ликвидация набравшего силу повстанческого движения. Основу повстанцев составили доведенные до отчаяния проводившейся социально-экономической политикой крестьяне и казаки региона. Нередко к ним примыкали и рабочие, также влачившие полуголодное существование и не имевшие возможности обеспечить свои семьи ни питанием, ни одеждой, ни топливом». Челябинские историки показывают, что «с начала 1920 г. практически вся территория Челябинской губернии (впрочем и в соседних губерниях происходило то же самое) оказалась охваченной повстанческим движением, которое большевики объявили ничем иным как политическим бандитизмом»³.

Многие современные авторы доказывают, что крестьянские выступления оказали влияние на усиление карательной функции

крестьянское восстание 1921 г. — Тюмень, 2001; Петрушин А. А. Особенности органов власти, созданных на территории, контролируемой повстанцами (на примере Сургутского комитета общественной безопасности и Тобольского крестьянского совета) // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны. — Ишим, 2001; Он же. На задворках гражданской войны. — Тюмень, 2004. — Кн. 2; и др.

¹ См.: Телицын В. Л. К истории антибольшевистских выступлений на Урале в первые послереволюционные годы. — С. 177.

² Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920 — 1922 гг. и Южный Урал. — С. 3.

³ Милиция Челябинской области. 1802 — 2002. — С. 100.

Советского государства. Л. П. Рассказов пишет, что большевики «усиливают карательные органы, действующие против крестьянства». По его словам, «в борьбе против крестьянских восстаний большевики выбрали испытанный метод — репрессии. Против восставших направлялись воинские части из армии, войска внутренней службы (ВНУС). В борьбе с бандитами прославились части особого назначения (ЧОН)». Кроме того, он отмечает вклад в это дело органов милиции и ВЧК¹. По подсчетам С. Ф. Касимова, только в Бурзян-Таягауловском районе от рук карательных отрядов погибло до 3 тыс. башкир².

Современные исследователи обратили внимание на то, что между представителями различных правоохранительных органов не было единства по вопросу о том, как вести себя в отношении повстанцев.

По словам И. В. Скипиной, «представители юстиции, как свидетельствуют документы, неоднократно указывали на нарушения элементарной законности представителями продовольственного фронта. Юристы предупреждали о возможных серьезных последствиях в ответ на давление властей на деревню, вплоть до крестьянского возмущения, но к их заявлениям не прислушивались»³.

Интересный вывод делает И. Ф. Фирсов. Он приводит многочисленные факты бесчинств представителей чрезвычайных органов и считает, что этому пытались противостоять органы юстиции и милиции. По словам И. Ф. Фирсова, остановить террор, санкционированный государством, им не удалось, и «...пытаясь противостоять насилию, проводимому коммунистическими властями... милиция в силу своего статуса оказалась на противоположной народу стороне баррикад и вынуждена была принимать участие в несправедливой, жестокой борьбе с повстанцами»⁴.

¹ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917 – 1941). – С. 145, 153.

² См.: Касимов С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1921 – 1925). – Уфа, 2000. – С. 194.

³ Скипина И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: Историография проблемы. – Тюмень, 2003. – С. 92–93.

⁴ Фирсов И. Ф. Ишимская милиция в период Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны. – С. 109.

В. С. Кобзов и В. И. Майоров считают, что справиться с повстанцами малочисленной и разрозненной сельской милиции оказалось не по силам. По их наблюдениям, «в целях повышения боеспособности подразделений милиции в 1920 г. на Урале стали сводить их в единые формирования. В Екатеринбурге, к примеру, сформировали «полк красных милиционеров», в Челябинске наличные силы были сведены в Особую милицейскую бригаду под командованием замначальника губмилиции по строевой части С. И. Холкина, в уездах формировались батальоны и роты»¹. Историки считают, что принятых мер оказалось недостаточно, и 16 августа 1920 г. на территории губернии было введено военное положение. Его суть, по мнению авторов, заключалась в том, что «все наличные силы милиции, ВОХР, войска укрепрайонов переводились на повышенную боевую готовность, коммунисты и части особого назначения перешли на казарменное положение. Руководство деятельностью по ликвидации отрядов повстанцев возлагалось на губвоенкома Б. А. Каврайского, имевшего в своем прямом подчинении территориальную бригаду ВОХР»².

Р. Р. Мардамшин пишет о роли органов ВЧК в подавлении восстания в Бурзян-Тангауровском кантоне Башкирии: «На наведение порядка были брошены большие силы, в том числе органы Чрезвычайных комиссий. На помощь БашЧК были привлечены органы внутренней охраны РСФСР — ВОХР»³.

Ю. С. Янин привел данные о том, что для ликвидации восстания «Черного орла» в Башкирии ЦК РКП(б) принял самые решительные меры, подключив к этому делу таких авторитетных большевиков как Ф. Э. Дзержинский, Ф. А. Сергеев (Артем), который был назначен уполномоченным ВЧК по борьбе с контрреволюцией в Башкирии⁴. Л. П. Рассказов пишет, что при подавлении этого восстания «применялись испытанные методы красного террора: взятие заложников, задержание подозрительных лиц, расстрелы восставших и т. д.»⁵.

¹ Милиция Челябинской области. 1802 – 2002. – С. 101.

² Там же. – С. 103.

³ Мардамшин Р. Р. Башкирская чрезвычайная комиссия. – С. 64.

⁴ См.: Янин Ю. С. Деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту народного комиссара внутренних дел. – Рязань, 1987. – С. 63.

⁵ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве

А. Л. Литвин указывает на особую роль в подавлении западно-сибирского крестьянского восстания полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского, который входил в полномочную тройку по подавлению восстания наряду с председателем Сибревкома И. Н. Смирновым и помощником Главкома вооруженных сил республики В. И. Шориным¹.

Современные историки приводят многочисленные факты произвола, самосудов, пьянства и др. негативных фактов поведения сотрудников милиции Челябинской и Тюменской губерний в борьбе с повстанцами. О. А. Белявская пишет: «Расправу, организованную победителями, осуществляли пьяные судьи: все руководители восстания были расстреляны, но, по нашим предположениям, пострадали и те, чья вина не была столь значимой»². В. П. Петрова пишет о фабрикации местными чекистами антисоветских «дел», с целью «найти причину в сложном положении в губернии, обвинив эсеров в организации контрреволюционных заговоров»³.

По словам Н. С. Шибанова, «как в прошедшей гражданской войне, так и в борьбе с восставшим народом «массовый террор стал средством убеждения», а политика насилия и кровавого террора по отношению к «классовым врагам» — дворянству, духовенству, кулачеству и казачеству большевики провели беспощадно и последовательно». Автор пришел к выводу, что «тяжелая репрессивная машина с начала 20-х гг. была запущена сверху и раскручивалась благодаря усилиям высших большевистских правителей»⁴.

С другой стороны, историки отмечают жестокость повстанцев по отношению к работникам милиции. В. С. Кобзов и В. И. Майоров пишут, что, когда повстанцы захватили станицу Брединскую, «в станице в руки восставших попал и был расстрелян начальник политического бюро при Управлении Троицкой горюездной милиции М. Л. Гербанов»⁵. Они делают вывод, что «при выполнении

(1917 – 1941). – С. 151.

¹ См.: Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918 – 1922. – С. 286.

² Белявская О. А. О морально-психологических качествах коммунистов, воевавших против повстанцев на Тюменском севере в феврале – марте 1921 г. – С. 6.

³ Петрова В. П. Восстание 1921 г. в Тюменской губернии. – С. 48.

⁴ См.: Шибанов Н. С. Зеленая война. – С. 215.

⁵ Милиция Челябинской области. 1802 – 2002. – С. 103.

поставленной задачи подразделения челябинской милиции несли серьезные потери»¹.

Общий вывод В. С. Кобзова и В. И. Майорова сводится к тому, что «в период ликвидации повстанческого движения взаимные насилие между политическими противниками стали вполне обычным явлением»². М. В. Шиловский объясняет это тем, что «сибирское крестьянство постоянно использовало насилие в качестве механизма защиты своих интересов внутри и вне общины. С его помощью сельский мир боролся с конокрадами, ворами, бродягами, хулиганами». По мнению историка, «ожесточение, использования насилия в отстаивании своих интересов явилось результатом начавшегося процесса распада патриархального общества. На него наложились усиление стрессовых нагрузок и бытовых тягот в годы Первой мировой и Гражданской войн»³.

В. С. Кобзов и В. И. Майоров полагают, что «подобные факты авторитета советской милиции не добавляли. В городах и особенно в сельской местности в тот период времени сотрудников милиции просто боялись»⁴.

С. Ю. Салмина считает, что после подавления крестьянских восстаний в деятельности органов советской милиции Урала больших изменений не произошло. Она пишет: «Децентрализация периода Гражданской войны, удаленность региона от центра, слабость нормативно-правовой базы деятельности милиции привели к тому, что в начале 1921 г. местная милиция «жила своей жизнью»⁵. В. С. Кобзов, И. Ю. Поляков, А. И. Семенов, Е. П. Сичинский, С. В. Щеткин и др. авторы отмечают, что репрессии были продолжены органами милиции на Урале и после перехода к нэпу, и объясняют это тем, что на советскую милицию долгое время накладывали отпечаток традиции, которые сложились в условиях Гражданской войны.

Ряд авторов указывает на то, что в первые годы нэпа на Урале наблюдался всплеск преступности, связанный с голодом

¹ Там же. – С. 104.

² Там же. – С. 105.

³ Шиловский М. В. Факторы, определявшие политическую активность сибирского крестьянства в годы социальных катаклизмов начала XX в. // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. – С. 70.

⁴ Там же. – С. 105.

⁵ Там же. – С. 111.

1921 — 1922 гг. Много фактов об этом приводится в исследованиях В. Боже, В. Д. Ботнера, А. В. Иванченко, Д. В. Каракулова, И. Непеина, Д. А. Сафонова, М. Н. Тайболиной, В. Л. Телицына, Л. И. Футорянского и др. авторов, посвятивших свои исследования голоду 1921 — 1922 гг. на Урале¹. Анализ современной литературы по данной проблеме, взглядов историков на негативное влияние голода на социально-политическую обстановку на Урале дан в нашей монографии².

Историки советской милиции пишут: «Голод 1921 — 1922 гг. обусловил появление преступлений, которых прежде на Урале не знали. Население было вынуждено изыскивать пропитание любыми доступными средствами. Впервые в истории стало реальностью людоедство, о чем неоднократно сообщалось в отчетах уездных управлений милиции»³. По мнению В. С. Кобзова и В. И. Майорова, последствия роста преступности для советской милиции имели двоякие последствия. С одной стороны, работники милиции вынуждены были применять чрезвычайные меры в борьбе с расхитителями продовольствия, применяя все меры вплоть до высшей меры наказания, с другой стороны, такие же меры применялись к самим работникам милиции, совершавшим «преступления и должностные проступки, в том числе на корыстной основе»⁴.

¹ См.: Футорянский Л. И. Голод 1921 г. в Оренбуржье // История советской России: новые идеи, суждения. — Тюмень, 1991. — Ч. 1; Ботнер В. Д. Голод 1921 — 1922 гг. в казачьих станицах оренбургского войска // Тез. докл. второй респ. науч. конф. «История Советской России: новые идеи, суждения». — Тюмень, 1993. — Ч. 2; Тайболина М. Н. «Не так захваченные природной стихией» (Голод 1921 — 1922 гг. в Курганском уезде Челябинской губернии) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. — Курган, 1993. — Вып. 5; Телицын В. Л. Крестьянское хозяйство Урала в условиях военного коммунизма: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1993; Боже В., Непеин И. Жатва смерти: голод в Челябинской губернии в 1921 — 1922 гг. — Челябинск, 1994; Непеин И. Неизвестный голод: Невостребованные документы // Отечество: Краев. альманах. — М., 1994; Сафонов А. Д. Великая крестьянская война 1920 — 1921 гг. и Южный Урал; Каракулов Д. В. Голод 1921 — 1922 гг. на Урале: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2000; Иванченко А. В. Екатеринбург и гуманитарная деятельность США на Урале в период голода 1921 — 1922 гг. // Екатеринбург: от завода-крепости — к евразийской столице. — Екатеринбург, 2002; и др.

² См.: Камынин В. Д., Цыпина Е. А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной историографии. — Екатеринбург, 2004.

³ Милиция Челябинской области. 1802 — 2002. — С. 103.

⁴ Там же. — С. 100—101.

Современные исследователи привлекли внимание читателя к тем сторонам деятельности правоохранительных органов, которая в предшествующей историографии тщательно скрывалась.

История цензурных органов на Урале стала предметом рассмотрения в работах К. Н. Габушина, Д. Л. Савельева, О. Н. Сорокиной и др.¹ Д. Л. Савельев рассматривает проблему создания органов политической цензуры в тесной связи с перепиской между В. И. Лениным и Г. И. Мясниковым о свободе печати. По словам автора, верх одержала точка зрения Ленина, «ориентированная на выкорчевывание свободомыслия, всякой оппозиции коммунистическим взглядам». Декретом СНК от 6 июня 1922 г. был образован Главлит при Наркомпросе и соответствующие отделы на местах при губернских отделах народного образования. Д. Л. Савельев считает, что эти органы осуществляли «цензурную политику двумя способами — административным и судебным преследованием, а также путем умелого идеологического давления». Автор попытался проанализировать механизм деятельности этих органов. По его наблюдениям, для большей эффективности цензурских органов в их штат были введены сотрудники ГПУ, «которые находились в прямом и постоянном контакте с представителями управления»².

Д. Л. Савельев осветил вопрос о функционировании органов политической цензуры на Урале. Он указывает, что после окончания Гражданской войны предварительная цензура осуществлялась одновременно многими органами: отделы народного образования, Главполитпросвета, но главным являлся отдел политического контроля ГПУ. В январе 1923 г. было создано Уральское областное управление по делам литературы и издательств (Уралобллит), которому в 1920-е гг. стали подчиняться все цензурные органы края. Для сосредоточения всех цензурных функций в одном органе была создана руководящая тройка, в состав

¹ См.: Сорокина О. Н. Некоторые психологические аспекты формирования осведомительства в системе ВЧК – ОГПУ 1918 – 1928 гг. (на материалах Урала) // История Советской России: новые идеи, суждения. – Тюмень, 1991. – Ч. 1; Савельев Д. Л. Местные органы Главлита – основа политической цензуры в сфере культуры (1920-е годы) // Тюменский истор. сб. – 2000. – Вып. 4; Он же. Местные цензурные органы как элемент управления культурой в советской России (1920-е гг.) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX в.: теория, история, практика. – Новосибирск, 2000; Габушин К. Н. Перлюстративная «социология» ЧК; и др.

² Савельев Д. Л. Местные органы Главлита – основа политической цензуры в сфере культуры. – С. 78, 79.

которой вошли представитель губернского отдела народного образования, начальник политического контроля ГПУ, заведующий агитационно-пропагандистским отделом губернского комитета партии¹.

К. Н. Габушин считает, что «способом контроля лояльности людей в то время была перлюстрация». Он пишет: «Как известно, большевики быстро поставили под контроль почту, что дало возможность отслеживать переписку неблагонадежных. Долгое время сам факт перлюстрации не афишировался, а любое упоминание могло быть расценено как разглашение государственной тайны». По его подсчетам, только за 1921 г. на Урале было перлюстрировано 5 435 313 писем, 3 623 из которых было изъято².

Современные исследователи вовлекли в научный оборот источники, которые позволили им изучить вопрос о том, какие стороны жизни советских людей интересовали органы политического сыска. О. Н. Сорокина, проанализировав сводки ГПУ, пришла к выводу, что эти органы интересовались всем: подробным анализом советских предприятий, социальным составом их рабочих и служащих, характеристикой настроений рабочих и служащих, сутью различных течений и группировок и т. д.³

К. Н. Габушин ввел в научный оборот документ из Государственного архива Свердловской области «Информационный обзор об экономическом и политическом состоянии Екатеринбургской губернии» и обнаружил в нем перечень из 17 позиций, отношение к которым очень интересовало чекистов. Автор с доверием относится к данному документу на том основании, что «поскольку документ был секретным, скрывать трудности и негативные тенденции от самих себя было бессмысленно»⁴.

Уральские историки анализируют конкретные изменения, которые произошли в деятельности правоохранительных органов после окончания Гражданской войны. По нашему мнению, они несколько идеализируют те изменения, которые реально произошли в их деятельности. И. Ю. Поляков пишет: «С разгромом крестьянского восстания 1921 г. на территории Сибири начина-

¹ См.: Там же. – С. 79.

² Габушин К. Н. Перлюстративная «социология» ЧК. – С. 23.

³ См.: Сорокина О. Н. Некоторые психологические аспекты формирования осведомительства в системе ВЧК – ОГПУ 1918 – 1928 гг. – С. 105.

⁴ Габушин К. Н. Перлюстративная «социология» ЧК. – С. 28.

ется период мирного строительства советской государственности... 3 марта 1923 г. в Тобольской губернии было снято военное положение. С этого момента вся охрана общественного покоя и порядка всецело ложится на милицию»¹. По словам И. К. Шабановой, «волна народного возмущения новым строем заставила власти спохватиться и начать исправлять ситуацию. Большевистское руководство, разворачивая новую экономическую политику, провозгласило курс на укрепление правопорядка, соблюдение законности и поднятие авторитета правоохранительных органов»².

Мы считаем, что, говоря о необходимости перестройки деятельности советской милиции в связи с переходом к нэпу, следует учитывать все выше перечисленные обстоятельства. Дело заключается даже не в том, что задачи милиции изменились, как это пишут историки, но нужно было ломать стереотип вседозволенности по отношению к населению, который сложился у работника милиции в годы Гражданской войны. Советская правоохранительная система, поменяв формы, не могла кардинальным органом изменить сущность своей деятельности, которая заключалась в преследовании инакомыслящих.

Попова О. Г.

Борьба демократических сил на Урале за предотвращение Гражданской войны

После Февральской демократической революции, когда Россия стала самой свободной страной в мире, гражданское согласие являлось той первоосновой, на которой можно было двинуться по пути эволюционного развития общества. Этому способствовал ряд обстоятельств: уход с политической арены правых монархистов, единение всех демократических сил страны после падения самодержавия, близость позиций ведущих политических партий

¹ Поляков И. Ю. К вопросу о взаимодействии органов милиции с местными Советами Тобольской губернии в 1921 – 1923 гг. // История Советской России: новые идеи, суждения. – Ч. II. – С. 115–116.

² Шабанова И. К. Правовой произвол начала 1920-х гг. в Тюменской губернии. – С. 109.